

Андрей Малаев-Бабель

Долгая дорога домой

Из путевых заметок

В Одессу я впервые приехал ребенком, потом юношей, потом не был в ней двадцать семь лет. И вот я снова в Одессе...

Первый Международный литературный фестиваль, организованный Литмузеем и журналом «Октябрь», был посвящен Бабелю. Посвящен неофициально, но все же в Одессе и за ее пределами фестиваль прозвали «Бабелевский». Не только это привлекло меня, заинтересовал ракурс, под которым рассматривали Бабеля и бабелевскую Одессу. Существует реальный город, и существует город, преображенный писателем. В чем различие и в чем сходство между этими городами? В чем различие и сходство между писателем и рассказчиком, от имени которого ведется повествование? От чьего имени, например, написана «Конармия»: от имени Исаака Эммануиловича Бабеля или от имени Кирилла Васильевича Лютова – корреспондента газеты «Красный кавалерист»? Кто автор «Одесских рассказов»: Бабель, Арье Лейб, или у каждой новеллы свой рассказчик? Меня, человека исполняющего на сцене эти рассказы, волнует этот вопрос. Как внук, лишенный возможности узнать деда, я повсюду ищу его реальный облик. На фестиваль меня привело присутствие на нем литераторов, превративших живого Бабеля в литературный персонаж. Израильтянин Давид Маркиш и москвич Дмитрий Быков вписали новые страницы в жизнь Исаака Бабеля, и без того полную мистификаций.

Мне удалось принять участие в работе фестиваля и даже выступить с моноспектаклем по пяти рассказам Бабеля, благодаря съемкам американского документального фильма «В поисках Бабеля». Фильм этот вылился для меня в месячную поездку по бабе-

левским местам. Одесса и фестиваль прились ровно посередине моего путешествия. Поэтому я не могу воспринимать Одессу и фестиваль в отрыве от «документального» путешествия.

Одесса для меня – некая отдушина, передышка на пути по тем кругам ада, которые выпали на долю создателя «Конармии». Я вовсе не хочу сказать, что все одесситы любят Бабеля. Напротив, в Одессе немало людей, которые его не принимают ни как писателя, ни как человека. Некоторые свято верят – или же хотят верить – в то, что Бабель был чекистом, спускался в подвалы Лубянки, присутствовал при расстрелах, сам расстреливал невинных людей. Другие не принимают бабелевский слог – невыносимо плотный. Сотрудник Литературного музея, где проходил фестиваль, Анна Мисюк, рассказывала мне, как ее ученики, бедующие одесские гиды, читают Бабеля. Оказалось, случаются и обмороки: уж очень непривычен для сегодняшних молодых людей, воспитанных на стерильном языке современной прозы, язык Бабеля – тугой, физиологичный.

Бабель неудобен в обиходе. Между тем участники и гости одесского фестиваля – это люди, любящие Бабеля и ведущие с писателем творческий диалог. Посмотреть и послушать их собрались одесситы. В эту бабелевскую ауру мне и удалось окунуться... Но прежде несколько слов о моем путешествии. В Одессу я приехал из-под Львова, а Львову предшествовал Париж.

В Париже я ощутил одиночество Бабеля. Недаром рассказчик, от лица которого ведется повествование в «Улице Данте» (или это сам Бабель?), восклицает: «Нет одиночества безвыходнее, чем одиночество в Париже». Я работал с парижскими актерами над пьесой Бабеля «Мария», беседовал с советологами, переводчиками, литературоведами. Вместе с Мариной Влади, которая рассказала, что В. Высоцкий обожал Бабеля, мы гадали, почему эти двое (Бабель и Высоцкий) Парижу предпочли русский «гибельный восторг»? Я бродил по улочкам Парижа, где когда-то ходил Бабель, по парижским рынкам и барахолкам, заговаривал с парижанами, как делал это когда-то Исаак Эммануилович. За мной неотступно следовала съемочная группа, но ни я, ни собеседники мои, казалось, не замечали ее. Мы все сливались с парижской толпой.

Все это время меня преследовала мысль. На нее натолкнул меня специалист по творчеству Бабеля из Стэнфорда – Григорий Фрейдин. Парижская литературная элита во главе с Андре Мальро – люди, носившие в свое время Бабеля на руках, – предали его в роковую минуту. Почему французские коммунисты, писатели с мировым именем, не заступились за арестованного Бабеля? Они даже не попытались этого сделать, стесняясь тревожить Сталина по пустякам. Ведь от отца народов они ожидали большего: в конце 30-х годов французские коммунисты еще надеялись на его помощь в борьбе с фашизмом. Они жили по выведенному когда-то Бабелем «закону больших чисел». А Сталин на французских коммунистов уже не надеялся. Он к тому времени наметил себе нового союзника – Гитлера. Ведь Сталин его применял, этот «закон больших чисел», оправдывавший «меньшие жертвы». Французские коммунисты принесли в жертву Бабеля. Сталин принес в жертву французских коммунистов. Он им не помог...

Из Парижа мы вылетели во Львов. Но не во Львов мы ехали, нас интересовали бывшие местечки под Львовом, где развивалось в 1920 году действие бабелевской «Конармии»: Берестечко, Броды, Козин. То, что мы там увидели, нельзя было «запланировать». Куда бы мы ни поехали, навстречу нам выплывали бабелевские места; нам встречались люди, будто сошедшие с бабелевских страниц. Местечки в районе Львова до сих пор помнят трагедию гражданской войны, как описана она в «Конармии». Поиски старинного еврейского кладбища, о котором рассказал Бабель в конармейской миниатюре «Кладбище в Козине» и в дневнике 1920 года, привели нас в поселок Козин. Местный

житель вызвался показать нам дорогу на кладбище. Он прыгнул в старенький жигуль – это было приглашение следовать за ним. Мы ехали лесом по узкой дороге. Останавливались, чтобы расчистить путь от упавших деревьев. Водитель нашей иномарки с трудом попевал за жигулем провожатого. Наконец мы доехали до заросшего бурьяном поля. У кромки его выступал из бурьяна одинокий камень. Надпись на камне: «Тут похоронено 2400 советских граждан еврейского происхождения, расстрелянных немецко-фашистскими захватчиками в 1942 году». Можете себе представить, что мы почувствовали: это было совсем другое кладбище, не то, что описал Бабель в 1920 году, и все же это было бабелевское «Кладбище в Козине». Зверства, учиненные против мирного еврейского населения на львовской земле во времена «Конармии» (начались они, впрочем, задолго до этого), обернулись ужасом Холокоста. Многострадально львовское еврейство. В 20-х годах его оплакал Бабель. Могу засвидетельствовать: на Западной Украине нет больше антисемитизма. Но нет здесь больше и евреев.

За Одессой последовала Москва. В Москве нам пришлось обратиться к событиям, связанным с арестом и казнью Бабеля. Вот некоторые из тех мест, которые мы посетили и сняли на пленку: бывшая тюрьма особого режима – Сухановка, где пытали писателя (в настоящее время там монастырь); общая могила на Донском кладбище, где, по некоторым сведениям, был захоронен его прах; писательский поселок Переделкино, где он был арестован. Везде нас сопровождала охрана – охраняли не нас. От наших кинокамер охраняли покой начальства и нуворишей. Типичная история для сегодняшней Москвы, где количество охранников символизирует статус охраняемого. В Москве мы брали интервью у известных писателей, у бывших узников сталинских тюрем и лагерей, у правозащитников. Интерес московской прессы к Бабелю меня порадовал. Вот один эпизод: меня пригласили на телепередачу, где режиссер и журналист Кургинян спорил с известным тележурналистом Сванидзе. Кургинян цитировал «закон больших чисел»: при Сталине-де пострадало меньшинство населения. «В процентном отношении!..» – заводился тележурналист. А я никак не мог вычислить: какой процент от числа все-

го населения составлял Исаак Бабель – писатель, которого читают сегодня во всем мире?

Вот в каком контексте предстал передо мной литературный фестиваль в Одессе. Я не встречал еще такой любви и энтузиазма по отношению к писателю и к литературе, с которыми я столкнулся в эти дни. Круглые столы, беседы и интервью продолжались в течение пяти дней. Здесь я почувствовал себя кем-то вроде рок-звезды – раздавал автографы направо и налево; на меня были направлены микрофоны и телекамеры. Родной город Бабеля – Одесса – помнит своего великого сына. Я постоянно напоминал себе, что любовь и восхищение не относятся ко мне лично. Они принадлежат Бабелю.

Перед открытием в живописном Саду скульптур Литературного музея бурлил народ. Я пробрался сквозь толпу праздничных изысканно одетых людей к Жванецкому и спросил: «Какие чувства у вас вызывает Бабель?». Профессионал, привыкший к точности в отношении со словом, ответил: «Чувство зависти».

По стенам вдоль лестницы музея висели эскизы памятника Бабелю в Одессе скульптора Франгуляна. Только теперь я сумел проследить эволюцию скульптурного замысла. На первых эскизах Бабель изображен таким эпикурейцем – жирным похотливым стариком, восседающим на одесском бульваре. Словом, точно таким, каким он сам изобразил себя в старости, мечтая возвратиться в Одессу вместе с другом своим, Багрицким. Может быть, потому, что оба они, Бабель и Багрицкий, не изведали старости, им и не пришлось нежиться на одесском бульваре, «провожая долгим взглядом женщин». Поднимаюсь по лестнице. Постепенно образ Бабеля меняется, становится более одухотворенным. Вот он уже несет на согбленных своих плечах беды мира...

Тема дискуссии, которая занимала меня в Париже и под Львовом, – соотношение художественного пространства с пространством реальным. Замысловато название круглого стола: «Одесса – множественное число. Город, который построил Исаак». Так почему же одесситы, интеллигентные и не слишком, любят своего Бабеля, любят, несмотря на то, что он – вместо того чтобы бытописать Одессу – создал одесский миф, изобрел одесский язык. Язык этот не был позаимствован из жизни. Не потому ли,

что Бабель был одесситом по духу, по крови? Не потому ли приехали на фестиваль эти далеко не одесские писатели и литературные деятели, что дух Одессы, независимый и свободолюбивый, – это то самое творческое начало, к которому все мы стремимся? «Сквозь кислое тесто русских повестей» одесский Мопассан, Исаак Бабель, «проложил стремительные рельсы» своих рассказов. Рельсы эти, как это ни удивительно, ведут в светлое будущее.

К счастью, мучившие нас во время фестиваля сомнения насчет даты открытия памятника Бабелю не оправдались, в сентябре я приехал на торжественное его открытие. В этом есть и «вина» фестиваля. Не пришлось ждать еще год, а может, и долгие годы, потому что первый Международный литературный фестиваль проложил Бабелю дорогу домой – в Одессу.

